

На вопрос, зачем ему все это, С.Д. Абрамович отшучивается ссылкой на Фрейда: *Вы представляете, что бы мы все имели, если б не эта проклятая сублимация!*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ніколенко О. М. Інтерв'ю з д-ром філол. наук, проф. Чернів. нац. ун-ту ім. Ю. Федьковича Абрамовичем Семеном Дмитровичем / Ольга Миколаївна Ніколенко // Всесвітня література та культура в навчальних закладах України. – 2001. – № 4. – С. 11.
2. Сушицька О. Л. Науковець, митець, особистість (С. Д. Абрамович) / Ольга Леонідівна Сушицька // Коростишівський педагогічний коледж імені І. Я. Франка: 145 років історії та традицій. – Житомир: Волинь, 2014. – С. 248–252.
3. Літературний текст у контексті культури: проблеми рецепції та інтерпретації (наукова школа [С. Д. Абрамовича]) : біобібліографічний покажчик / [уклад.: І. М. Конет, В. Прокопчук та ін.]. – Кам'янець-Подільський : Кам'янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка, 2010. – 70 с.
4. Кеба О. Мій вчитель / Олександр Кеба // Семен Дмитрович Абрамович. Науковець. Митець. Особистість: Біобібліографічний покажчик / Кам'янець-Подільський: Аксіома, 2010. – С. 4–5.
5. Hoffmann H. Profesor Szymon D. Abramowicz: literaturoznawca, religioznawca, poeta / Henryk Hoffmann // Семен Дмитрович Абрамович. Науковець. Митець. Особистість: Біобібліографічний покажчик / Кам'янець-Подільський: Аксіома, 2010. – С. 80.
6. Чикарькова М. Ю. «Писать о Семене Дмитриевиче и легко, и сложно...» Мария Юрьевна Чикарькова // Семен Дмитрович Абрамович. Науковець. Митець. Особистість: Біобібліографічний покажчик / Кам'янець-Подільський: Аксіома, 2010. – С. 82.
7. Чикарькова М. «Я слышу времени звенящий бег...» / Мария Юрьевна Чикарькова // Радуга. – 2009. – № 7 [Рец. на кн. : Абрамович С. Consecutio temporum. Стихи. – К. : Издательский дом Дмитрия Бурого, 2008]. – С. 141.

УДК

Бураго Д.С., к.ф.н., доцент
НПУ ім. М. Драгоманова, Київ

АЛЕКСАНДР БЛОК В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ С.Б. БУРАГО

В статтє раскрывається підхід С.Б. Бураго – дослідателя насліддя Александра Блока, к формуванню цельного образа поэта в неразрывности жизни и творчества.

Ключевые слова: *жизнетворчество, сотворчество, гармония, революция*

Уже в начале шестидесятих годов в Виннице Сергей Борисович со своими товарищами – студентами филологического факультета пединститута и музыкального училища

© Бураго Д.С., 2015

организовывал первые литературно-музыкальные вечера, на которых читал «Незнакомку», «Скифов», заключительную часть поэмы «Возмездие». Тогда же выработывалась им та исключительная манера декламации, когда сама мелодия стихотворения приоткрывает потаенные смыслы в глубинах пауз и каждый звук, рождаясь неожиданно и строго, обращенный ко всему миру, звучит тебе одному, и тебе существовать в этом звучании и отвечать на него тоже тебе. Чтение Сергея Бурого было совершенно не артистичным – простым и искренним. Это проникновенное отношение к чужому тексту распространилось и на чужую судьбу, на жизнь его близких и тех, с кем объединяла учеба, наука, работа, или сводил случай.

С. Б. Бурого считал, что понять литературное произведение можно лишь прочитав его как бы изнутри, устами автора, принимая во внимание и контекст авторской эпохи, и тот, в котором сбывается собственная судьба читателя. В статье «Понимание литературы и объективность филологического анализа» он обращает внимание на то, что «наше непосредственное – гипотетически-дивинативное – понимание стихотворения обращает нас к основанию личности автора и к глубинным пластам собственной личности, и это проникновение в сущность текста есть одновременно и наше познание взаимосвязи человека и мира в том измерении и в том его аспекте, который задан художественным произведением <...> Но чем тоньше искусство анализа и чем глубже этот анализ соотношен с непосредственным чувством, которое рождает произведение искусства у филолога, тем глубже его сотворчество одновременно с художником и читателем и тем шире, благодаря его работе, становится сфера воздействия искусства, преображающая нашу повседневность на основе высших человеческих ценностей» [1, с. 46].

Внимательный читатель проследит, как процесс погружения в структуру музыкально-смысловых тканей художественного текста в работах С. Б. Бурого приводит к преобразению изначально-отчужденного исследовательского «я» – свершается *со-бытие*, возникает *со-знание* – общее с поэтом знание, и это обретение общности поэтической и исследовательской позиций являет собой акт категорического отрицания индивидуалистическо-скептического позитивизма. Еще в юности, определив для себя ценностно-смысловую систему координат, Сергей Борисович никогда не изменял ей: «Мир, согласно романтической философии, – един; никаких непроходимых границ между предметами или явлениями мира не существует. Также и человек: он не распадается на отдельные свои проявления, качества и возможности, но внутренне целостен и – по своей природе – сущностно связан со всеми людьми и всем миром» [2, с. 148]. Из этого становится очевидным, почему именно Блок, а не кто другой привлек молодого исследователя. Художественное произведение неотделимо от судьбы автора. Тем более что «...творчество Блока, – в понимании Сергея Бурого, – это не взятая сама по себе поэзия, не взятая сама по себе драматургия или критическая проза, но решительно все его литературное наследие <...> Блоку в высшей степени было свойственно восприятие жизни как творчества...» [2, с. 64].

Жизнетворчество, как и жизнеутверждение, выступает основой строительства собственной судьбы и научного поиска Сергея Бурого. Наверное, не преувеличением будет отметить, что он оказался последним воином романтизма при «набеге язычества на рубеже веков». «Набег язычества на рубеже веков» – так исследователь обозначил тему своего последнего доклада на пленарном заседании основанной им же Международной научной конференции «Язык и культура» в 1999 г. в Киеве. «Мы действительно

столкнулись, – обращался к нам С.Б. Бурого, – на рубеже веков с многосторонним и разнообразным нашествием язычества. Мы вследствие нашего «духовного возрождения» оказались в Вавилоне, при строительстве старой башни, которая должна продемонстрировать самодостаточность «отдельно взятой» индивидуальности, то ли, так сказать, в масштабе одной человеческой особи, то ли в масштабе рода, то ли в масштабе нации, то ли в масштабе «отдельно взятой» религиозной конфессии. Но башня не может быть построена, а Вавилон должен разрушиться. В отличие от нашего, по сути, атеистического язычества, сотворенного наспех для «идеологического обеспечения» национальной государственности, язычество историческое и подлинное было необходимым путем человечества к осознанию своего органического естества» [3, с. 37].

Как же актуальны эти слова сегодня, когда кудесники остроумных истин и провокативных сентенций подозрительно приглядывают за историей, культурой, частной жизнью, охотно констатируя и возводя в абсолют низменное и преступное. В рамках эпохи Постмодерна продолжает цепко циркулировать неиссякаемое сознание Модерна, которое охотно «раблеизирует» человека в целом, низводя его до уровня некоего компрачикоса, «человека, который всегда смеется» [4], представляет человека изначально и неизменно низким [5]. Правда, в сознании Модерна все это должно быть изменено. И тут «извечному» состоянию человеческой низменности противопоставляется некое революционное светлое будущее, черты которого, правда, тоже весьма смутны, а сроки приближения то и дело отодвигаются. Вот это светлое будущее и настораживало Сергея Бурого явным подлогом целеполагания и сомнительными средствами достижения, которые не могут оправдать самую возвышенную цель.

Работая над кандидатской диссертацией «Стиль художественно-философского мышления и позиция Александра Блока», Сергей Борисович остро переживал в своем сознании ту революционную смену эпох. Как было не соотносить с собственным внутренним состоянием статью поэта «Интеллигенция и революция», в которой Блок призывает не «загораживать душевностью путь к духовности» – раз «прекрасное и без того трудно»; он поминает демона, подсказывающего Сократу слушаться духа музыки, и оканчивает текст отчаянным, судорожным воззванием: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушайте Революцию» [Блок].

Но за три года Блок пережил вихри и штормы революции, как переживается в ошеломляющем звуковом надрыве вагнеровское сценическое действие, как переживается страсть-затмение, когда «все или ничего», «сегодня или никогда», прошлое и будущее сходятся в великом поединке стихий. А в 1921 году уже оседали взвесь и гарь. Возбуждение великим действием выдохлось в жуткие «Капричос» действительности. И к кому же теперь? Конечно, к вечному и непреходящему, к гармонии, к Пушкину. Как было С. Бурого не вспомнить блоковскую речь «О назначении поэта», в которой, вдоволь наслушавшись «революционной музыки», Блок обращается к «веселому имени Пушкина». Имя веселое, потому что – светлое, ликующее над бездной хаоса. Конечно, хаос преодолевается в гармонии, которая и есть «веселые истины здравого смысла». Но – как не вспомнить, что уже у раннего Блока самоотречение и самоограничение сигнифицировалось именем Платона («Начинается покорность Богу и Платон»; «Записные книжки»); ведь в идеальном Государстве Платона поэту нет места; его следует увенчать цветами и вывести прочь из Города.

Исследование С. Б. Бурого тонко подводит читателя к тому моменту, о котором в те годы говорить приходилось крайне осторожно. Нужно было, что бы читатель сам, без подсказки исследователя, проник в суть горькой насмешки позднего Блока над творческой интеллигенцией. И, возможно, над самим собой. Над тем, который столь жарко надеялся переделать все, устроить так, чтобы все стало новым; чтобы живая, грязная, скучная, безобразная жизнь стала справедливой, чистой, весёлой и прекрасной. Достаточно задуматься о блоковских «трех простых истинах», отрицающих в корне основные постулаты, на которых строится революционное искусство нового мира. Это, во-первых, отрицание «особенности» или, если угодно, «своевременности», целесообразности отдельного вида искусства. Вторая – остережение насчет чудовищного подлога: «Не следует давать имя искусство тому, что называется не так» [6, с. 406]. И третья истина, обличительная и хлесткая, как захлопнутая за поэтом дверь: «Чтобы создавать произведения искусства, надо уметь это делать» [там же]. И здесь Блок говорит уже не только об искусстве, а об истинах экзистенциальных, выступая против самозванства, подлога и дилетантизма, пришедших на смену романтическому азарту идей равенства и справедливости. Все это вполне могло быть тогда воспринято как вызов господствующему революционному режиму, укоренившемуся после 1917 года, как казалось, навсегда. Возводимый «новый мир» во имя высших целей и социальной справедливости все отчетливее проявлялись фальшь, приспособленчество, предательство ближнего и самого себя ставшие фактически обязательными составными общественного успеха, в том числе и для поэта.

А Сергей Бурого воспринимал автора в неразрывности жизни и творчества, продолжая полагать, что «*гений и злодейство* – две вещи несовместимые». Отсюда и настороженное отношение к Андрею Белому, которого в ранних работах исследователь воспринимает как художника, обрекавшего себя своими житейскими поступками на творческую ущербность. Так, в своем диссертационном исследовании Сергей Бурого, рассматривая несомненное влияние Рихарда Вагнера на Блока в качестве и великого композитора, и оригинального мыслителя, допускает следующую параллель: Вагнер – Ницше / Блок – Белый. Соответственно надо было откровенно сказать о ненависти Ницше к своему учителю и о вражде Белого к своему другу. Позднее в статье «Рихард Вагнер и Александр Блок» С. Б. Бурого отмечает: «Если для А. Белого, например, эта вагнеровская символика была чужда (речь идет о мече Нотунг в «Кольце Нибелунгов» – символе творческой активности, преобразовывающего мир действия, символе подвига, уничтожающего зло), так что он даже писал о «Дубоватом Зигфриде, размахивающем на сцене картонным мечом и глупо дующем в загнутый рог», противопоставляя ему ницшевского Заратустру, то для Блока, например, эти символы Вагнера близки и значительны» [7, с. 114]. В этом противопоставлении весьма полно раскрывается позиция исследователя, для которого человеческие поступки тесно связаны с мировоззренческой платформой. При этом С. Б. Бурого, разрабатывая собственный подход к анализу поэтической речи, представленный в фундаментальной монографии «Мелодия стиха» (увидела свет осенью 1999 года), объективно опирался и на работы Андрея Белого.

На одном из вечеров «Журнала на сцене „Коллегиум“» в Киевском Доме актера Сергей Борисович (а он был бессменным ведущим и организатором этих ежемесячных собраний, объединявших киевскую интеллигенцию в девяностые годы) читал стихотворение «Веселье на Руси» из книги Андрея Белого «Пепел». Читал разительно и трагично:

...Раскидалась в ветре, – пляшет –
Полевая жердь: –
Веткой хлюпающей машет
Прямо в твердь
Бирюзовую волною
Нежит твердь.
Над страной моей родною
Встала Смерть.

И как будто воочию представлялась всем исступленная пляска автора этих строк среди пьяни эмигрантских трактиров – уже так вдали и от момента смерти Блока, и от Родины. Было до содрогания убедительно ощутимо, что эта пляска объяла не только страну, но и душу поэта, обрекая его на бесконечные смятения и скитания.

Несправедливо будет не отметить интерес С.Б. Бурого к поэту Леониду Семенову и его невесте Маше (Марии Михайловне Добролюбовой), чьи трагические судьбы оказали столь сильное влияние на современников. Достаточно вспомнить, что Л. Н. Толстой принимал у себя Семенова в 1908 году, читал гранки его рассказа «Смертная казнь» и способствовал скорейшей публикации вещи. По мнению С. Бурого, «в пору их близкого знакомства следует иметь в виду не одностороннее влияние Блока на Семенова...» – ведь в дальнейшем их жизненные пути разошлись, и Семенов погрузился в революционную деятельность. «Жизнь Леонида Семенова, – пишет Бурого, – при всем ее динамизме, воплощенное стремление к личной нравственной удовлетворенности... «Мгновенье остановись!» [8, с. 138]. Стремление достичь «в миге» всей «полноты ощущений» есть духовный максимализм, который и определил путь Семенова с его бросаниями к противоположностям и постоянно ощущаемой невоплощенностью. Путь Блока же представляется Бурого целостным в «единой трилогии «вочеловечивания»: «Для Блока абсолютно ясно, что спастись «одному нельзя». И его позиция – это «взваливание» на себя всего груза эпохи, всей боли разрываемой противоречиями современности» [там же].

Да, Сергей Борисович Бурого понимал Блока именно так, и «взваливание на себя» касалось не только абстрактного «груза эпохи», но и всей жизни в целом, включая взаимоотношения с близкими. В этом ключе и формируется образ Александра Блока у исследователя. «Автор не только по-новому, по-своему истолковал многие факты блоковской биографии и страницы стихов, убедительно демонстрируя органическую цельность творчества поэта, – отмечает в предисловии ко второму изданию А. М. Турков, – но и обнаруживал, угадывал дотоле оставшиеся вне поля зрения исследователей связи духовного мира своего героя с окружающей его действительностью... И перечитывая эту книгу, тоже ощущаешь ее некую «личную выстраданность», стремление опереться на высший опыт Блока, чтобы осознать и преодолеть неослабевающий «трагизм раздробленности и противоречивости исторического момента» (слова самого Сергея Борисовича, характеризующие не только эпоху самого начала прошлого века, но и ту, в которой рождалось и мучительно пробивалось в печать его собственное, поныне не утратившее своей свежести и притягательности исследование)» [9, с. 4].

И в заключение: трудам С. Б. Бурого приходилось в буквальном смысле «пробиваться» сквозь разного рода объективные обстоятельства и фантастические подчас препоны. Так после защиты кандидатской диссертации в Киеве, заявляет о себе таинственный

«черный оппонент» и, как оказывается, предстоит еще одна защита в Москве, впрочем, только утвердившая молодого ученого в перспективности своего подхода. Упомянутая выше книга «Александр Блок. Очерк жизни и творчества» (1972), приуроченная к юбилею поэта, почти полностью скрыта от читателя – основной тираж рассеян по библиотекам дальневосточного и сибирского военных округов, откуда ее неоднократно вызволяли столичные солдаты-срочники. А судьба самого автора подчас в буквальном смысле висела на волоске: кто-то где-то время от времени усматривал в его исследованиях нечто не вполне сообразное общепринятому в те годы в СССР взгляду на Блока. На кону были, по сути, работа в Университете и научная карьера. Выручили добрый случай и глубокий профессионализм А. М. Туркова: в одной из центральных газет появилась небольшая рецензия, отмечающая успех книги. Неприятности в Киеве были замяты. Но все же защита докторской диссертации «Диалектика языка и литературоведческий анализ мелодии поэтического языка» (1993) затянулась на многие годы из-за личного участия целого ряда коллег, не пропускавших работу через кафедру – архетипическая, в общем-то, ситуация.

Сергей Борисович Бураго прожил неполных 55 лет, оставив бесценное наследие, в котором идеи и стремления великого поэта очевидным образом переключаются с жизненными установками и ценностными категориями самого исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бураго С. Б. Понимание литературы и объективность филологического анализа / Сергей Борисович Бураго // Набег язычества на рубеже веков. – К. Издательский дом Дмитрия Бураго, 2015. – С. 39 – 57
2. Бураго С. Б. Стиль художественно-философского мышления и позиция Александра Блока. Диссертация на соискание ученой степени к.ф.н. – К. КГПИ им. А.М. Горького, 1972. – С. 193
3. Бураго С. Б. Набег язычества на рубеже веков / Сергей Борисович Бураго // Набег язычества на рубеже веков. – К. Издательский дом Дмитрия Бураго, 2015. – С. 29 – 39.
4. Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура / Сергей Сергеевич Аверинцев // М. М. Бахтин как философ. – М.: Наука, 1992. – С. 7–19.
5. Пигалев А. Н. Деконструкция денег и постмодернистская концепция человека / Александр Николаевич Пигалев // Вопросы философии. – 2012.– № 8. – С. 50–60.
6. Блок А. Интеллигенция и революция / Александр Блок // Блок А. А. Собр. соч.: в 6 т. – М. : Правда, 1971.– Т. 5. – С. 396–406.
7. Бураго С. Б. Рихард Вагнер и Александр Блок / Сергей Борисович Бураго // Набег язычества на рубеже веков. – К. Издательский дом Дмитрия Бураго, 2015. – С. 69 – 114
8. Бураго С. Б. Страницы русской жизни (Александр Блок и Леонид Семенов) / Сергей Борисович Бураго // Набег язычества на рубеже веков. – К. Издательский дом Дмитрия Бураго, 2015. – С. 122 – 143
9. Турков А. М. [предисловие ко 2-му изданию кн. С. Бураго «Александр Блок»] / Андрей Михайлович Турков // Бураго С. Б. Александр Блок. Очерк жизни и творчества. – К.: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2005. – С. 4

Бураго Д.С., к.ф.н., доцент
НПУ ім. М.Драгоманова, Київ

АЛЕКСАНДР БЛОК У ТВОРЧІЙ СПАДЩИНІ С.Б. БУРАГО

Стаття розкриває підхід С.Б. Бураго – дослідника творів Олександра Блока, до формування цельного образу поета в єдності життя та творчості.

Ключевые слова: *жизнетворчество, сотворчество, гармония, революция.*

Burago D.S., candidate of Philology, docent
NPU, Kyiv

ALEXANDER BLOK IN THE CREATIVE HERITAGE BY S.B.BURAGO

The article deals with the approach of S.B.Burago – the analyst of Alexander Blok's creative activity, to the forming of the integral image of the Russian lyrical poet.

Key words: *revolution, harmony, co-creative activity.*

УДК 811.161.2'06373.45'3773.46.005

Солдатова Л.П., кандидат філологічних наук, доцент
Київський університет імені Бориса Грінченка, Київ

СУТНІСТЬ ТА ІСТОРИЗМ ПОНЯТТЯ “МОВА” (ЧАСИ КЛАСИЧНОЇ АНТИЧНОСТІ І СТ. ДО Н.Е. – II СТ. Н.Е.)

У статті розглядаються проблеми лінгвістичної термінології. Аналізується сутність поняття “мова” в часи класичної античності. Виділено 5 основних груп дефініцій, представлено зв'язки та відношення всередині поняття як системи, структури з їх елементами, такі зв'язки цих елементів у структурах та їх відношення, які можуть бути представлені в узагальненій формі із спільним елементом всередині.

Ключові слова: *мова, тлумачна формула змісту поняття (ТФЗП), поняття.*

“Мова” – один з основних проявів людської суті, яка являє собою продукт тривалого і досить суперечливого історичного розвитку з точки зору лінгвістичного знання.

Актуальність даного дослідження мотивована необхідністю дослідження розвитку сутності поняття “мова” в історичному аспекті.

Метою даного дослідження є аналіз основних підходів до розуміння та з'ясування сутності поняття “мова” у греко-римській мовознавчій традиції у період період класичної античності (I ст. до н.е. – II ст. н.е.).

Таке дослідження має теоретичне, методологічне та практичне значення.

Об'єктом дослідження є історія розвитку трактування поняття “мова” в греко-латинській мовознавчій традиції у період класичної античності (I ст. до н.е. – II ст. н.е.).

© Солдатова Л.П., 2015